

tradicii zhanra: dis. ...kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2004.

8. Pavlova V. Detskie al'bomy: Nedetskie stihy. Odnofamilica. M.:AST: Astrel', 2011.

9. Piazhe Zh. Rech' i myshlenie rebenka. M.: Direkt-Media, 2008.

10. Savina L.N., Tropkina N.E. Prostranstvo doma v poezii N. Rubcova i v proze B. Ekimova // Izvestija VGPU. Ser. «Filologija». 2009. №10 (44). S. 147–150.

11. Semikina Ju.G. Tema materinstva v «zhenskoy» proze (na materiale proizvedenij L. Petrushevskoj, L. Ulickoj, I. Poljanskoj, O. Slavnikovoj, M. Arbatovoj) // Gumanitarnye issledovanija. 2010. № 2. S. 91–97.

Topos of childhood in the poetry by Vera Pavlova

In the aspect of the anthropological model there are described the spaces of age, theme and motive of childhood in the lyrical poetry by Vera Pavlova and the ways of their artistic implementation.

Key words: *topos, apperception, anthropological, space.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2015)

О.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИКО- ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Анализируются способы выражения авторской позиции в современной историко-фантастической литературе посредством создания образов славянского пространства.

Ключевые слова: *Мазин, Витковский, Семёнова, пространство, фантастика, фэнтези, хронотоп.*

С начала 1990-х годов в России в жанре исторической фантастики написан целый ряд произведений, действие которых разворачивается на территории Восточной Европы и приурочено к IX–X вв. н. э. – времени становления русской государственности. Хроно-

топ Киевской Руси выбран не случайно: в массовой культуре наблюдается процесс «героизации и сакрализации прошлого как средства обретения или восстановления национально-культурной идентичности» [6, с. 10].

Историческую фантастику необходимо отличать как от исторического романа, так и от славянского фэнтези: «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [2, с. 235], а художественное пространство в фэнтези основано на вымысле, лишь частично напоминая реальную действительность (в цикле М. Семеновой «Волкодав» племя веннов, к которому принадлежит главный герой, соотносимо со славянами, а его противники сегваны — с норманнами). Для историко-фантастического романа, как и для славянского фэнтези, характерны допущения мистического характера: изображение известных современному читателю по фольклору представителей нечистой силы: «Однажды к числу слушателей присоединилась русалка. То есть не то чтобы присоединилась, а выглянула из воды неподалеку» [8, с. 132] или обладание тайным знанием, умением воспринимать информацию о человеке, видеть будущее: «Деда звали Ререх. Почти как знаменитого художника. Был дед – из варягов, да вдобавок ведун. Не колдун, не волох-жрец, а именно ведун. То есть умел абсолютно безошибочно определять, когда человек говорит правду, а когда лапшу на уши вешает. Одноногий детектор лжи, одним словом. Еще старик умел предугадывать чужие действия, но об этом Се-рега узнал позже» [Там же, с. 118].

Историко-фантастический роман «отличается от фэнтези тем, что, во-первых, в качестве поля действия берется непременно наш мир, а, во-вторых, магия в нем не играет почти или совсем никакой роли. Кроме того, здесь важна точность и достоверность в описании антуража» [5, с. 159]. Однако в обоих жанрах авторы главной задачей ставят реконструкцию славянского пространства, сведения о котором отрывочны и не достоверны, что открывает простор для домысливания деталей: «Городок был сплошь деревянный — от внешних стен до детинца-кремля. В стене — двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за пятнадцать. А состоял он именно из “концов”. По ремеслам. А концы, в свою очередь, — из дворов, тоже огороженных и по сути — крепостей, только маленьких. Большой кре-

постью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок» [8, с. 57], был весьма похож на древнерусский городок и Галирад М. Семеновой, улицы которого «были вымощены не в пример лучше окраинных: поверх плотно спряженных горбылей бежали гладкие доски» [11, с. 80], а в центре «галирадский кром (кремль? – *О.П.*) стоял на неприступном скалистом холме под защитой знатного рва и крутого вала, над которым высились бревенчатые стены» [Там же, с. 85–86].

Несмотря на определенное сходство исторической фантастики и исторического романа, повествующих «о свершившихся выдающихся событиях прошлого, сыгравших важную роль в исторических судьбах народа, или о периодах, подготовивших эти события» [1, с. 24], специфика фантастики, заключающаяся в наличии фантастических допущений, дает авторам больше свободы как в выражении собственной позиции, так и в изображении славянского пространства, в попытке передать «исторические события, быт и нравы эпохи, достоверность которых документально не подтверждена; описывающий исторические лица, реальное существование которых сомнительно» [14, с. 142–143]. Последнее сближает историческую фантастику с условно-историческими романами, которые, однако, не содержат необъяснимых мистических допущений, в обоих жанрах «подчеркивается произвольность, конструируемость образа “славного прошлого”, на который во многом опираются современные художественные и паранаучные трактовки славянского метасюжета» [6, с. 11].

Пространство исторической фантастики немислимо без присутствия узнаваемых исторических или легендарных личностей, известных по «Повести временных лет» князей и воевод: Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владимира, Свенельда, Люта, Мала и др. Но если место действия в фантастических романах исторически конкретно, то время дуалистично: так, например, герои циклов А. Мазина «Варяг» и «Витязь» свободно перемещаются из наших дней в средневековое прошлое. Поскольку «хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе» [2, с. 235], то результатом данных перемещений становится обретение персонажами новых социальных ролей и функций. Наши современники, очутившись в Средневековье, не в состоянии выполнить простейших действий,

поскольку современные технологии в корне отличаются от способов действий ремесленников и земледельцев Древней Руси. Так, например, герой романного цикла Мазина по фамилии Духарев у себя дома «мог ... и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара», но поскольку «в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным» [8, с. 39], он оказался совершенно неприспособленным к реалиям исторического прошлого.

Пытаясь утвердить свой статус, как это было принято во все времена, и Серега Духарев, и Александр Савинов вступают в драку, чем еще более усугубляют свое положение, в первую очередь из-за незнания местных законов: «Все верно, и было бы хорошо, если б не кровь. Ломай ты его головой столы, вышиби дух, подметай им углы – был бы в своем праве. А ты его мордой в мису, а она – глиняная. Осколками посеколо... Кровь – руда, она священна, уразумей сие, ужели у вас не так?! Теперь он вправе твою пролить, а захочет – и до смерти» [3, с. 96]. Пришельцу из двадцатого века такие правила, оценивающие жизнь человека в соответствии с его социальным статусом, кажутся недемократичными, однако со временем к обоим героям приходит понимание справедливости такого уложения, ставящего свободу человека в зависимость от его силы, возможности эту свободу защитить, что продиктовано особенностями жестокого времени, в котором еще не сформировалось государство, берущее на себя ответственность за своих граждан. Со временем оказывается, что и Сереге (герою цикла А. Мазина «Варяг»), и Александру (герою цикла А. Витковского «Витязь») привычнее и удобнее находиться в историческом прошлом, суровые нравы которого импонируют им больше, чем удобства быта 20-го столетия. Происходит интериоризация «чужого» хронотопа, который становится «своим» настолько, что идея возвращения в будущее начинает пугать. Принятие героями древнеславянских правил жизни подчеркивает, что для авторов «эпоха Киевской Руси <...> представляется золотым веком, объектом для воспроизведения и подражания» [6, с. 11].

Многие обряды, через которые проходят и Серега, и Александр, вызывают у них неприятие из-за различия моральных устоев человека XX в. и его древних предков: сознание героя с трудом воспринимает систему языческих

ценностей. Интерес к дохристианскому прошлому нашей страны, возникший в исторической фантастике, объясняется общей популяризацией в конце XX в. родноверия, появлением языческих общин, для которых «характерным является чувство национальной или общеславянской идентичности... своеобразный протест не только против техногенности, но и против христианской религии как чуждой славянской ментальности» [13, с. 8].

Свою судьбу и Серега, и Александр находят в дружине. Осваивая новые социальные роли, персонажи фантастических романов проходят путь от отроков (так «в X–XI вв. назывались члены “младшей” дружины» [4, с. 53]), до предводителей собственных варяжских отрядов. Обе дружины, с которыми связывают свою судьбу герои, – варяжские, таким образом, в исторической фантастике поднимается самый известный и самый проблемный вопрос происхождения варягов, расколовший ученых-историков на два лагеря: норманистов и антинорманистов. Если первые полагали, что «варяги – в глубокой древности прежде всего скандинавские разбойники, норманнские дружины, совершавшие грабительские походы» [7], то вторые (а именно их позиция импонирует и А. Мазину, и А. Витковскому) считают, что «варяги – это просто название, которым именуют русов остальные славянские народы. <...> На чьей бы службе ни находился варяг – в первую голову для него верность варяжскому братству и клятве» [3, с. 257]. Но главное – вывод, что варяги это не норманны, а родственный славянский народ, а ошибка сторонников норманистской теории объясняется тем, что это «северное славянское племя последние сто лет не только дралось с викингами за право ходить по пенным дорогам Северного моря, но и роднилось с ними. Общность суровой жизни сделала их похожими на скандинавов не только внешне, но и обычаями. Даже именами» [9, с. 190].

Антинорманисты полагали, что их противники при помощи своей теории стремятся «во что бы то ни стало опорочить, очернить историческое прошлое русского народа, принизить значение русской культуры на всех этапах ее развития» [7], доказать, что русский народ был неспособен самостоятельно создать государство. В первую очередь обвинения выдвигались против прибывших в Академию наук в первой половине XVIII в. «ученых немцев», которые утверждали, что на Руси до Рюрика были люди «без государства; они жили

как лесные звери, ничем не выделялись, без всякого общения с миром» [Там же].

Герой, попавший в X в., имеет другие представления об историческом пространстве этой эпохи, во многом почерпнутые из курса школьной истории. Попытка высказать свое ошибочное мнение приводит к конфликту – варяги неодобрительно отзываются об отождествлении их с норманнами:

«– У нас... варягов вообще считают свеями или данами.

– <...> насчет того, что варяги – свеи, ты тут никому не говори. Обидеться могут... Может, там у вас и все остальное переврали? Хотелось бы верить...» [3, с. 163].

Отрицательное отношение авторов к норманистской теории передается не только через реплики обитателей славянского мира, в данном случае выступающих в качестве резонеров, но с помощью прямого сопоставления варягов и норманнов (в романах названных «нурманами» или «урманами»). Если варяги жили по справедливым понятиям: «То были люди надежные, но неудобные, потому что ставили свою Правду выше княжьей власти. Стоило такому воину решить, что князь поступает не так, как следует, – и повинование варяга кончалось» [8, с. 536], то норманны были известными грабителями: «И то, если б просто побили, а то ведь они, нурманы, а особенно волколуды, нет бы просто убить, так сначала мучают долго. От человеческой муки у них, говорят, сила прибывает» [Там же, с. 238–239], – и сребролюбцами: «...закон нурмана – “бери все, до чего можешь дотянуться”» [Там же, с. 399]. По мнению авторов, русское государство не могло быть основано чуждым народом, охочим до поживы и крови.

Тем не менее состав варяжской дружины был многонациональным: «Подвижный характер военно-дружинной знати, ее “противоположность” родоплеменному строю и оторванность от общинной структуры общества способствовали включению в дружинную среду разноэтничных элементов» [4, с. 56], вступить в нее мог любой храбрец: и белый хузарин Машег, побратим Сереги Духарева, и ирландец Диармайд, «родом с Эрина, большого острова в Закатном океане, рядом с землей Бриттов» [3, с. 11].

У каждого народа был свой ареал обитания. Центр славянского мира X в. – это Киев, в котором «весь мир многоязыкий рядом. Здесь сильному любо, варяг! Покажешь себя – через год сотником станешь!» [8, с. 395]. На севере славянское пространство граничит с террито-

рией викингов-норманнов, на юге – с Диким Полем, на востоке – с Хазарским каганатом, на западе – с уграми. Недалеко расположилась и Византия, которая часто становилась объектом для варяжских грабительских походов.

Для самих варягов «своим» пространством было Варяжское море, с берегов которого они отправлялись в походы, но общее славянское пространство все же расположено в зоне лесов и рек, поэтому эти два топоса являются для всех русов и варягов «своими»: «Дремучи вятские леса. Дни и дни можно плыть, а вокруг будто все те же берега, все те же сосны. Но так кажется лишь необычному глазу, а для опытного лесовика у каждой излучины – свой облик. Опытных лесовиков среди русов хватало» [9, с. 145]. Приспособление к определенному типу пространства является генетическим признаком принадлежности к определенному народу, если чаща «непролазна» для степняков, то «для русов что лес, что поле – всё, считай, коренной ландшафт» [Там же, с. 146]. Лес, в отличие от той же степи, представляет собой закрытое пространство, часто лишенное дорог, именно поэтому в этой функции выступает река, «движущаяся, меняющаяся и в то же время неподвижная, как бы остающаяся на месте, – удивительно точный, емкий образ именно пути-дороги, совмещающий в себе значения и “дороги” (некоторого типа художественного пространства), и “пути” (т.е. движения персонажа в этом пространстве). Река – самодвижущаяся дорога» [10, с. 142]. Герои, покоряющие непроходимые чащобы, вынуждены отправляться в путь именно по реке: «В лесном краю река – первейшая дорога» [12, с. 254].

Однако в степной полосе варяги-русичи чувствуют себя не так уверенно, степь – «чужое» пространство: «Славянам, особенно тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле – родной дом» [8, с. 301]. Конечно, дружинники со временем обучаются основам жизни в степи, но по-прежнему уступают местным обитателям – половцам да хазарам: «Те же, кто вошел в Перуново братство по клятве, а не по рождению, с коня, конечно, не падали, но пронырнуть в галопе под лошадиным брюхом, уходя от стрел – вот такого они не осилили бы» [Там же, с. 338], как не всегда могли найти короткий путь или запутать следы. Степь не так проста, как может показаться на первый взгляд: «С другой стороны, степь только кажется одинаково ровной. В иных местах трава погуще, в иных – почва камениста: непод-

кованные лошади могут ноги сбить. Есть в Диком Поле балки, овраги, холмы, реки и безводные пятна. Кто хорошо знает степь, может выбрать дорогу полегче. Или покорооче. Преследователи, скорее всего, знали местность досконально. А вот варяги – нет» [Там же, с. 413].

Степь, в отличие от леса, по-другому влияет на героя: «Здесь, в степи, Серега чувствовал себя не то чтобы одиноким... Незначительным. Слишком много места вокруг. Слишком мало людей. В этих пространствах теряется даже многотысячная орда. Что уж говорить о маленьком отряде?» [Там же, с. 319], в лесу, в котором тоже можно затеряться, славяне не испытывают такого чувства, главный герой, «выходец из урбанистической культуры», тоже «в этих буреломных чащобах чувствовал себя вполне уверенно» [9, с. 146]. Со временем герой привыкает к «чужому» для него степному пространству, но не настолько, чтобы «соствязаться в конной игре со степняками, которых сажали в седло раньше, чем они научатся ходить» [8, с. 417].

Таким образом, славянский хронотоп в произведениях исторической фантастики является жанрообразующим фактором и обладает спецификой, обусловленной авторской установкой на возрождение национального самосознания.

Список литературы

1. Александрова Л.П. Советский исторический роман: типология и поэтика. Киев: Вища шк., 1987.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
3. Витковский А. Витязь. СПб.: Изд-во «Рылов», 2005.
4. Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989.
5. Каплан В. Заглянем за стенку. Топография современной русской фантастики // Новый мир. 2001. № 9. С. 156–171.
6. Королев К.М. Фэнтези в современной русской литературе: актуализация условно-древнеславянской топики в контексте русского культурного национализма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2013.
7. Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде / под ред. Н. Степанова. Л.: Вессоюз. о-во по распространению политических и научных знаний. Ленингр. отд., 1949 [Электронный ресурс]. URL:

<http://rutenica.narod.ru/norman.html> (дата обращения: 12.05.2015).

8. Мазин А. Варяг: Варяг. Место для битвы. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007.

9. Мазин А. Князь. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009.

10. Неелов Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

11. Семенова М. Волкодав. М.: АСТ; СПб.: Азбука, 2005.

12. Семенова М. Волкодав: Самоцветные горы. М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2006.

13. Смoржевская О.А., Шиженский Р.В. Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки: монография. Йошкар-Ола: Историко-литературный музей финно-угорских народов им. Валентина Колумба, 2010.

14. Толкачева В.С. Условно-исторические романы М.В. Семеновой в современной прозе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (75). С. 141–144.

* * *

1. Aleksandrova L.P. Sovetskij istoricheskiy roman: tipologija i poetika. Kiev: Vishha shk., 1987.

2. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки po istoricheskoj poetike // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. M.: Hudozh. lit., 1975. S. 234–407.

3. Vitkovskij A. Vitjaz'. SPb.: Izd-vo «Rylov», 2005.

4. Gorskij A.A. Drevnerusskaja družhina (K istorii genezisa klassovogo obshhestva i gosudarstva na Rusi). M.: Izd-vo «Prometej» MGPI im. V.I. Lenina, 1989.

5. Kaplan V. Zagljanem za stenu. Topografija sovremennoj russkoj fantastiki // Novyj mir. 2001. № 9. S. 156–171.

6. Korolev K.M. Fjentezi v sovremennoj russkoj literature: aktualizacija uslovno-drevneslavjanskoj topiki v kontekste russkogo kul'turnogo nacionalizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. SPb., 2013.

7. Mavrodin V.V. Bor'ba s normanizmom v russkoj istoricheskoj nauke:

Stenogramma publichnoj lekcii, pročitannoj v 1949 godu v

Leningrade / pod red. N. Stepanova. L.: Vsesojuz. o-vo po rasprostraneniu politicheskikh i nauchnyh znanij.

Leningr. otd., 1949. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://rutenica.narod.ru/norman.html> (data obrashhenija: 12.05.2015).

8. Mazin A. Varjag: Varjag. Mesto dlja bitvy. M.: AST; SPb.: Astrel'-SPb, 2007.

9. Mazin A. Knjaz'. M.: AST; SPb.: Astrel'-SPb, 2009.

10. Neelov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.

11. Semenova M. Volkodav. M.: AST; SPb.: Azbuka, 2005.

12. Semenova M. Volkodav: Samocvetnye gory. M.: AST; SPb.: Azbuka-klassika, 2006.

13. Smorzhevskaja O.A., Shizhenskij R.V. Sovremennoe jazychestvo v religiozno-kul'turnoj zhizni: istoricheskie oчерки: monografija. Joshkar-Ola: Istoriko-literaturnyj muzej finno-ugorskih narodov im. Valentina Kolumba, 2010.

14. Tolkacheva V.C. Uslovno-istoricheskie romany M.V. Semenovoj v sovremennoj proze // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 11 (75). S. 141–144.

Ways of representation of author's view in a modern historical and fantastic novel

There are analyzed the ways to represent the author's view in the modern historical and fantastic literature by means of creating the images of Slavic space.

Key words: *Masin, Vitkovsky, Semenova, space, fantasy, chronotop.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2015)

